Прошло примерно три дня.

Впрочем, сложно сказать наверняка из за особой природы трущоб

Когда восходит солнце, ближайшая башня скрывает его свет, когда же наступает тьма, это место лишь тускло освещается фонарями падальщиков.

Трущобы всегда были неопределенным местом, без различий между днем и ночью.

И конечно, его ужасное состояние тоже было одной из причин, почему он не следил за временем.

Боль постоянно терзала его тело. Сознание было на грани того, чтобы померкнуть.

Вера был в таком положении, когда он умереть в любой момент.

- Кха-кха...!

Закашлявшись, Вера ощутил боль в груди и начал хватать ртом воздух.

- Хаа...!

Сделав глубокий вдох, он оценил состояние своего тела и заключил, что такими темпами долго не протянет.

'...Неделю максимум.'

Он умрет здесь.

Даже без проклятия, его мучали крайне серьезные травмы. Он остро нуждался в медицинской помощи, но получить ее не представлялось возможным.

То еще зрелище.

- Ты в порядке?

Слепая святая, Рене, потерявшая свою силу была не в силах ему помочь.

Другими словами, его дни уже сочтены.

- ...Конечно же, я не в порядке.

- Подожди немного.

- Угх...!

Когда рука Рене коснулась его груди, изо рта Веры вновь вырвался болезненный стон.

Подавив его, Вера посмотрел на Рене, излучавшую божественность, которая вскоре иссякнет.

- Прекрати прилагать бесполезные усилия. Разве ты не видишь, что надежды больше нет?

- Ты не можешь знать наверняка.

Ее голос был полон решимости.

Вера взглянул на Рене, что изо всех сил старалась удержать его в сознании.

'...Странная женщина.'

Что Вера осознал пробыв с ней короткой время, так это то, что она очень необычная личность, настолько, чтобы назваться чудовищем.

У нее были ожоги, исказившие ее внешность до неузнаваемости, но она все равно выходила наружу просить милостыни, даже будучи слепой.

Все, что она получила это миску каши, которая хуже еды для скота, и она смаковала ее, подобно деликатесу.

Это было чем-то, чего Вера был просто не в силах понять.

Почему она это делает? Живя нищим в трущобах, Он ел объедки и тухлую пищу, поэтому ему был знаком этот вкус.

Что было еще смешнее, она съедала не все, хотя и наслаждалась ею.

Съев пару ложек, остальное она тратила впустую, выливая кашу в рот Вере, который не мог и двинуться.

Верно, тратила впустую.

Он думал, что нет смысла тратить еду на него.

Скоро ему придет конец. Его травма была настолько серьезной, что он не мог знать, не перестанет ли в следующий миг дышать.

А потому, Вера неоднократно говорил ей просто позволить ему умереть.

- Ты не можешь знать наверняка.

Она всегда так ему отвечала.

Вера, взглянув на ложку протянутую Рене, перевел взгляд в пустоту и произнес.

- Я и не знал, что Святая была идиоткой.

- Что ты имеешь ввиду?

- Если ты жила всю свою жизнь, как Святая, разве ты не знаешь состояние моего тела лучше меня самого? Но…при этом ты продолжаешь делать, что то настолько бессмысленное, разве не естественно думать, что Святая идиотка?

Он хотел, чтобы она просто выбросила его, раздраженный от того, что она продолжала так глупо стараться ради него.

Однако, Рене не беспокоило отношение Веры и она снова протянула ему ложку.

- Ты не можешь знать наверняка, возможно, съев эту порцию ты поправишся и встанешь на ноги?

- Что…?

- Сперва поешь.

Вера почувствовал, как у него скрутило внутренности, глядя на Рене.

Рене смотрела в пустоту расфокусированными глазами, водя рукой с ложкой около, предполагаемой позиции рта Веры.

- …Ты просто глупая.

- В Святом королевстве, подобная глупость зовется любовью.

- Святая любит наблюдать за теми, кто вот-вот умрет?

- Я знаю, что любовь есть не только лишь сексуальное влечение.

На ее изувеченным ожогами лице уголки рта приподнялись. Когда Вера перевел на нее взгляд, Рене улыбалась.

- Госпожа завещала возлюбить ближнего своего. Так как, я, ее любимое дитя, могу отказаться от ее учений?

- Если бы Госпожа была столь добра, она бы не позволила тебе попасть в подобное место.

Вера издевательски усмехнулся. Конечно, она не могла видеть выражение его лица, но он делал это, потому что хотел посмеяться над ней.

- Это был мой выбор.

- Святая, таких людей в трущобах и называют глупцами..

- Очень хорошо. И не Святая, а Рене.

Она ответила с улыбкой.

****

Вероятно, прошло больше двух дней.

Рене снова поднесла ложку ко рту Веры.

- Отвратительно.

- Ты - больной.

- Глупая...

- Именно.

Рот Веры закрылся.

- Поторопись и поешь.

Он смотрел на ложку, покачивающуюся у его лица. Слегка вздохнув, Вера все же принялся за еду.

- Отлично.

Вера получил похвалу. Его взгляд вернулся к Рене.

На ее лице была улыбка. Сейчас Вера мог различать ее выражения.

Он взглянул на эту улыбку и подумал.

'Она действительно странная женщина.'

У нее не было никаких причин или обязанностей, по которым бы она должна была заботиться о нем, но она продолжала усердно делать это, отчего оставалось лишь списать все на это.

Рене выглядела так отвратительно, что даже он не может считать ее Святой, восхваляемой всеми.

Омерзительное, покрытое шрамами лицо, которое заставило бы случайного встречного закричать и убежать. Голубые глаза, которые виднелись сквозь едва приоткрытые глазницы. Белые волосы, потерявшие свой блеск, покрытые грязью.

Поскольку она выходила наружу в таком виде, должно быть, она подверглась всяческим оскорблениям, но даже так она не показывала и следа грусти.

Только улыбку.

Это единственное, что отражалось на ее лице.

Вера совсем не мог понять этого, ему было очень любопытно, поэтому он задал Рене вопрос.

- ...Ты не жалеешь об этом?

- Что ты имеешь ввиду?

- Отказ от своей силы.

Если бы она не потеряла свои силы, она не могла оказаться в подобном положении. И даже, если бы на континенте воцарился хаос, ей бы ничего не угрожало.

Пока он смотрел на нее с подобными мыслями, она усмехнулась и ответила.

- Я ни о чем не жалею..

- Почему?

- Почему ты думаешь я буду сожалеть об этом?

Вера потерял дар речи.

Не то чтобы ему нечего было сказать. Напротив, нужно было сказать так много, что он потерял дар речи из-за невозможности выразить это подходящими словами.

Жизнь в трущобах была настолько жалкой и неприглядной, что и жизнью-то ее было тяжело назвать.

Каждый день они голодали, здесь, в трущобах, не было даже стены, которая защищала от ледяного ветра, угрожающего зимой заморозить на смерть.

Но почему ты не боишься всего этого?

Почему ты не тоскуешь о ушедшем времени?

Почему ты приняла это все с улыбкой?

Вера молчал, пока в его голове проносились такие мысли.

- ...Знаешь, было время, когда я могла видеть.

Я слышал об этом.

Мягким тоном, с нежной улыбкой, Рене продолжила.

- В очень ранние годы. Мне было пять или шесть лет, малышка, даже не потерявшая детского жира. В то время, как и другие, я могла видеть свет этого мира своими собственными глазами.

Рене рассказывала о своем прошлом.

- Я была дочерью фермера. Деревня, в которой я жила, была маленьким местом на востоке Королевства Хорден.

Это история, которую Вера не знал. Он никогда не интересовался прошлым Святой.

- Есть кое-что, что я до сих пор смутно помню. Цветы, расцветающие всеми красками теплым весенним днем, лучезарное солнце летом, пшеничные поля, окрашенные в золотой цвет в сезон сбора урожая, и чистый белый мир в середине зимы.

Рене закрыла глаза и продолжила со слабой улыбкой, будто пытаясь вспомнить те сцены из ее далеких воспоминаний.

- Все эти картины были потрясающие. Я была счастлива. И даже став святой, я была счастлива жить для других, но... Сколь бы то ни было эгоистично, именно детство я считаю самым счастливым временем в своей жизни.

Она произносила это с улыбкой. Даже, если Вера оставался молчалив, Рене продолжила.

- И в тот день, когда я ослепла, я почувствовала, как моя реальность рушится. Будто мой сверкающий, живописный мир погрузился бездну.

- Полагаю, Святая тоже человек.

- Конечно же, я человек.

Хотя он позволил себе саркастическое замечание, она, как и всегда, мягко ответила на него.

- В любом случае, я думаю, провела много лет в слезах. Я думала, что я самая несчастная на всем свете, что мир жесток ко мне.

Вера чувствовал, что эти слова очень близки ему.

Именно так он думал в прошлом.

И не только он. Все люди в трущобах, жившие в отчаянии, имели подобные мысли.

Пока он был в раздумьях, Рене продолжила.

- В то время, стигма Госпожи появилась на мне.

Это была историей, которую он хорошо знал.

Он не мог не знать. Весь континент перевернулся верх дном, когда благословение не сходившее больше 400 лет, проявилось на девочке, которая только начала взрослеть.

Для Веры это был хорошо известный факт, потому что это был период, когда он объединил все картели в трущобах и начал свою торговлю со знатью.

- Сперва, я негодовала. Хоть это и было кощунственно, я думала Госпожа забрала мой свет и бросила эту стигму в качестве компенсации. Вот почему я была обижена.

- Если жрецы Святого Королевства бы слышали это, они были бы шокированы.

- Это мой большой секрет.

- И ты все равно рассказываешь мне об этом? Впрочем, я все равно скоро умру, так что это действительно не имеет особого значения.

Когда Вера очередной раз перебил Рене своим саркастичным замечанием, она смутилась и прижала руку к груди Веры, чтобы закрыть ему рот.

- Аргх...!

- Это не хорошо. Тебе следует думать о том, чтобы поправится.

Вера сердито посмотрела на Рене, но опять же, впиваться взглядом в кого-то слепого было бессмысленно.

Рене усмехнулась и продолжила.

- И вот живя жизнью, полной негодования,однажды, я наткнулась на трущобы.

- Впервые слышу о подобном.

- Конечно, это же секрет. В то время я пыталась тайно распространить свои силы по всему континенту.

Рене произнесла это, облизнула свои губы, остановившись на мгновение, и затем продолжила.

- Место, где в воздухе настолько чувствовалось отчаяние, что даже я могла его увидеть. Звуки смерти, вопли боли, запах крови и нечистот, сырой воздух на коже. Все это стало шоком для меня.

Медленно открыв глаза, она обнажила зрачки, что потеряли свой свет.

- В то время, после того как я попала в трущобы, мне впервые в жизни стало стыдно. Хотя я знала, что сочувствовать было бы неправильно, увидев людей, которые здесь жили, я поняла,

сколь уродлива и ребячлива была, и мне стало стыдно.

И снова улыбка скользнула по устам Рене.

- Тогда я впервые подумала о чем-то кроме обиды. Более того, у меня появилась идея. Возможно, причина, по которой Госпожа отняла у меня свет, заключалась в том, что она хотела, чтобы я поделилась этим светом со всеми остальными.

- ...В этом нет никакой логики.

- Быть может. Однако, важно ли это, будь так? Разве не важнее то, что я поняла это? Поэтому я нисколько не жалею о том, что живу сейчас здесь. Хотя я стала очень слаба, я все еще рада, что могу помочь хоть кому-то.

Взгляд Веры обратился к Рене.

Улыбающееся лицо. Это было выражение, лишенное каких-либо складок.

Внезапно Вера, смотревший на Рене, понял, почему у него скрутило живот, когда он впервые увидел ее.

'...Святая.'

Я осознал, почему она прозвана так.

Потому, что Святая была человеком настолько благородным, что у него скрутило живот.

Настолько он был ошеломлен ее благородством, совсем отличным от него, топчущего всех и вся на своем пути в страхе вновь оказаться в трущобах и умереть с голоду.

Вера попытался отвести взгляд от Рене и закрыть глаза.

Неожиданно, скорбь волной пробежала по нему.

Ни разу в жизни он не представлял себе, что испытает сожаление. В тот момент, из-за этой жалкой женщины, внутри него разрослось это чувство.

Очевидно, для нее такая жизнь должна быть тошнотворно тяжела, и уж тем более потому, что раньше она жила роскошной, светлой жизнью, ее отчаяние должно было быть еще сильнее.

- ...Сумасшедшая.

- Рада слышать.

От ее вкрадчивого смеха у Веры вновь скрутило живот.

http://tl.rulate.ru/book/72277/3514629